

Лебедев А. П. Взаимные отношения Османской Порты и подвластных ей христиан Греко-восточной Церкви после падения Византийской империи // Богословский вестник 1894. Т. 2. № 5. С. 206–244 (1-я пагин.). (Начало.)

Взаимныя отношенія Османской Порты и подвластных ей христианъ Греко-восточной церкви, послѣ паденія византийской имперіи ¹⁾).

Ἀγάπησε πολλὰ τὸ γένος τῶν χριστιανῶν καὶ ἔβλεπε καλῶς.

„Много возлюбилъ (Магометъ II) христіанскій (греческій) народъ и взиралъ на него благосклонно“.

Historia Patriarchica.

Магометъ II, турецкій или османскій султанъ, въ 1453 г., въ концѣ мая, положилъ конецъ существованію византийской имперіи, которая уже давно и состояла только почти изъ одной столицы Константинополя.

¹⁾ Повидимому, наиболѣе полезными пособіями при составленіи историческаго очерка поль указаннымъ заглавіемъ, кромѣ сочиненій: Maurer'a — *Das Griechische Volk*, Elssner'a — *Neueste Beschreibung der Griechischen Christen*, Lamansky — *Secrets d'etat de Venise* (о которыхъ мы говорили въ „Обзорѣ источниковъ исторіи Греко-восточной церкви“) могутъ быть: 1) Zinkeisen — *Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa*. Gotha, 1854—63. Это сочиненіе составлено на основаніи многочисленныхъ источниковъ, аккуратно цитируемыхъ, читается живо—и имѣеть всегда цѣлью вполне уяснить дѣло. Дорого оно въ особенности тѣмъ, что въ немъ достаточно подробно и основательно говорится объ отношеніи турецкаго правительства и народа къ греческимъ христіанамъ, чего почти не дѣлаетъ Hammer, написавшій очень подробную исторію турецкаго народа. Лучшей исторіи турокъ, чѣмъ многотомное сочиненіе Цинкейзена, мы не знаемъ. 2) Hertzberg. *Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des Antiken Lebens bis zur Gegenwart*. В. В. II—IV. Gotha 1877—1879. Въ тѣхъ вопросахъ, которые имѣютъ значеніе при изученіи отношеній Турокъ къ христіанамъ, Гертцбергъ слѣдуетъ Maurer'у и Zinkeisen'у, привнося немного новаго. Но такое новое у него все же есть, а потому и Гертцбергъ заслуживаетъ вниманія. 3) Проф. Скабалавичча. Политика турецкаго правительства по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ и ихъ религіи —

Что же дальше? Городъ опустѣлъ и нужно было снова заселить его. Одна часть жителей Византіи разбѣжалась еще до катастрофы, другая — тотчасъ послѣ катастрофы. Многіе изъ Грековъ, захваченные въ плѣнъ побѣдителями, были этими послѣдними проданы въ рабство, въ качествѣ добычи, доставшейся на долю храбрыхъ Турокъ. Къ счастью, нужно было только заселить городъ, а не возстановлять его изъ развалинъ. Константинополь, какъ городъ, мало пострадалъ во время послѣднихъ, тяжкихъ для Грековъ и черезъ—чуръ радостныхъ для Турокъ, событій. Не смотря „на долговременную осаду, штурмъ и трехдневный грабежъ, столица падшаго государства пострадала менѣе, чѣмъ какъ этого можно было ожидать. Ибо, сколько мы знаемъ о событіяхъ, въ стѣнахъ города, послѣ его взятія, ничто не подверглось разрушенію: ни одинъ храмъ, ни одинъ монастырь, ни одинъ дворецъ не пострадали ни отъ огня, ни отъ опустошенія. Этому содѣйствовалъ самъ Магометъ II. Въ первый же день, послѣ паденія Константинополя, вѣхавъ сюда, онъ объявилъ своимъ войскамъ, что всѣ зданія города должны

отъ завосванія Константинополя до конца XVIII в. (Напечатано въ Христ. Чтеніи, 1878, т. II). Сочиненіе по содержанію очень интересное. Жаль только, что авторъ не указываетъ своихъ научныхъ пособій, оставляя въ читателѣ недоумѣнія о томъ, чѣмъ пользовался авторъ. Но дѣло само собою разъясняется, если читатель сравнитъ сочиненіе г. Скабаланивича съ сочиненіями Цинкейзена и Гертцберга. Трудъ разсматриваемаго автора появился ad hoc, — въ то время, когда русскія войска, отвоевавъ Болгарію у Турокъ, стояли подъ стѣнами Константинополя, въ Санъ-Стефаво. 4) Проф. Ламанскаго. Могущество турокъ - османовъ въ Европѣ (Рѣчь, читанная на актѣ Петербургскаго Университета въ 1880 г.). Мы привыкли соединять съ наименованіемъ „рѣчи“ представленіе о чезъ-то жиденькомъ, эфемерномъ и научно-маловажномъ. „Рѣчь“ же г. Ламанскаго составляетъ пріятное и почти неожиданное исключеніе. Не смотря на краткость, она замѣчательно содержательна. Въ основу ея положенъ какъ обширный трудъ самого г. Ламанскаго, выше нами упомянутый (въ „Обзорѣ источниковъ“), и содержащій документы большой важности, такъ и его же сочиненіе: „Объ историческомъ изученіи Греко - Славянскаго міра“ (1871 г.). Вообще объ этомъ произведеніи г. Ламанскаго можно сказать: „малъ золотникъ, а дорогъ“.—Всѣ вышепоименованныя сочиненія, могущія служить руководствомъ при изученіи указаннаго вопроса изъ греческой церковной исторіи, — чужды тѣхъ lamentацій, какія встрѣчались въ большинствѣ старыхъ сочиненій и какія теперь встрѣчаются, но кажется только въ русскихъ сочиненіяхъ, и притомъ такихъ, которыя имѣютъ цѣлю дѣйствовать не на мысль и разумъ, а на чувства и нервы.

составлять его исключительную собственность. Онъ говорилъ храбрымъ грабителямъ: „довольно съ васъ сокровищъ и плѣнныхъ (вамъ достающихся); не трогайте зданій—это моя собственность“¹⁾. Благодаря этому вмѣшательству султана, спаслась отъ разрушенія св. Софія, а вмѣстѣ съ нею множество другихъ замѣчательныхъ построекъ, до которыхъ уже добиралась была рука хищника — вандала. Больше всего пострадали, при взятіи Константинополя, стѣны, его окружавшіе, и строенія, расположенныя рядомъ съ ними. Но это не трудно было исправить. Тѣмъ болѣе, что Магометъ приказалъ насильственно переселить въ Константинополь жителей нѣкоторыхъ окрестныхъ городовъ и селеній, возложивъ на нихъ обязанность возстановить стѣны въ прежнемъ видѣ. И вотъ не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ палъ Константинополь, а ужъ 5,000 семействъ было переселено въ новую столицу, которыя и принуждены были сдѣлаться даровыми работниками надъ возстановленіемъ стѣнъ и укрѣпленій²⁾. Но все же знаменитый городъ оставался пустъ. Сейчасъ упомянутыхъ насельниковъ въ счетъ брать нельзя, хотя число ихъ потомъ и еще на много увеличилось. А Турки?... Но ради Турокъ не стоило брать великолѣпнаго города. Ихъ еще сначала нужно было приучить пользоваться благами цивилизаціи.... Магометъ держался другихъ мыслей. Онъ желалъ населить городъ снова Греками. Въ нихъ онъ видѣлъ залогъ будущаго развитія своего государства. Магометъ II не любилъ медлить, а потому спустя нѣсколько дней послѣ паденія Византіи, онъ объявилъ чрезъ герольдовъ разбѣжавшимся Грекамъ, какъ нишаго, такъ и высшаго классовъ, чтобы они всѣ безъ страха возвращались въ свои прежніе дома, обѣщая имъ полную свободу какъ въ религіозномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи³⁾. Этотъ кличъ не остался безъ должнаго дѣйствія: У многихъ бѣглецовъ, которые испугались плѣна и меча варваровъ, страхъ сталъ проходить, а брала верхъ привязанность къ отечеству. Инымъ самое иго турецкое

1) Ducas. Historia Byzantia, cap. XL, p. 1112. Migne. Gr. Tom. 157.

2) Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches. Band II, S. 4—6.

3) Frantzae. Chronicon majus, lib. III, cap. 11, p. 893 (Migne. Curs. patr. tom. 156).

и опасности, съ которыми могло быть сопряжено пребываніе въ Константинополь, казались все же легче, чѣмъ вѣчное изгнаніе изъ любимаго города. За этими болѣе смѣлыми Греками, которые повѣрили обѣщаніямъ султана и потянулись въ Константинополь, послѣдовали болѣе робкіе, ободренные примѣромъ своихъ собратій. Не замедлили возвратиться на старое пепелище и тѣ изъ плѣнныхъ и проданныхъ въ рабство Грековъ, которые имѣли деньги и могли откупиться отъ неволи. Городъ сталъ снова населяться не одними Турками, народомъ не цивилизованнымъ, но и природными Греками, на которыхъ можно было возлагать благія надежды по части возстановленія имперіи новому властелину Византіи ¹⁾.

Но спрашивается: почему и какъ Магомету II могла придти въ голову мысль не разставаться съ Греками, а напротивъ привлекать ихъ въ ихъ прежній отечественный городъ? Магомета II нельзя представлять себѣ какимънибудь Батыемъ и Тамерланомъ, которые любили воевать ради самой войны. Не смотря на прирожденную жестокость и нравственную распущенность, новый властелинъ Византіи имѣлъ много достоинствъ, которыя даютъ ему мѣсто въ ряду болѣе замѣчательныхъ историческихъ личностей. Онъ былъ человѣкомъ образованнымъ и любителемъ просвѣщенія, онъ извѣстенъ заботами объ устроеніи высшихъ и нисшихъ школъ въ новой своей столицѣ, обладалъ достаточнымъ художественнымъ вкусомъ, выразившимся въ прекрасныхъ постройкахъ, украсившихъ въ его время Константинополь; но важнѣе всего было то, что онъ отличался политической проницательностію и рѣдкимъ талантомъ организатора ²⁾. Сдѣлать что либо серьезное въ политическомъ, культурномъ и общественномъ отношеніи безъ такого или другаго содѣйствія Грековъ—Магометъ мало могъ разсчитывать, а потому ему надобно было помирить Грековъ съ совершившимся фактомъ — уничтоженіемъ византійскаго царства — и привлечь ихъ на свою сторону. На что могли годиться Греки—это султанъ зналъ и раньше, ибо и раньше бывалъ

¹⁾ Zinkeisen. Ibid. S. 7—8. Hertzberg. Gesch. Griechenlands. B. II, 543, 551.

²⁾ Zinkeisen. B. II, S. 14, 471—473. Hertzberg. B. II, 531.

въ Константинополѣ и хорошо вглядѣлся во всѣ стороны культурной жизни Грековъ ¹⁾.

Больше всего должна была мѣшать политическому сближенію двухъ націй — побѣдителей, Турокъ, и побѣжденныхъ, Грековъ, весьма существенная разница въ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Но въ этомъ отношеніи разсматриваемые приверженцы меккского пророка не были похожи ни на Арабовъ времянь основателя исламизма, ни на Турокъ—сельджуковъ. Самъ Магометъ II чуждъ былъ религіознаго фанатизма. Объ этомъ удостовѣряетъ то явленіе, что названный султанъ тотчасъ же по завоеваніи Константинополя окружилъ себя лицами христіанской вѣры. По словамъ греческаго историка, его свиту составляли „любезные ему христіане въ качествѣ секретарей, такъ какъ агаряне были необразованы и не учены“. Историкъ при этомъ вообще замѣчаетъ, что „они (христіане) управляли и вѣдмъ царствомъ его“ ²⁾. Здѣсь нѣтъ большаго преувеличенія, хотя нельзя не замѣтить, что извѣстіе выражено слишкомъ обще и неопредѣленно. Самихъ Турокъ тѣхъ времянь, о какихъ у насъ рѣчь, несправедливо было бы представлять какими-то непримиримыми врагами христіанства, въ родѣ Іудеевъ. Турки питали чувства уваженія ко Христу, они вѣрили въ Его чудесное рожденіе отъ Дѣвы Маріи, которую признавали одной изъ величайшихъ жепъ всемірной исторіи. Они допускали безсѣмное зачатіе не только Христа, но и Богоматери, въ чемъ отказывали однакожъ своему Магомету. Христось, по ихъ вѣрованію, былъ чудотворцемъ со дней отрочества. Они признавали Христа за посланника и друга Божія и за великаго пророка, который принесъ свое евангеліе съ небесъ; по ихъ вѣрованію Онъ вознесся на небо и возсѣлъ съ Богомъ—Отцемъ, но только не такъ близко къ Нему, какъ Магометъ, —который молится за нихъ, Турокъ, и молитва котораго всегда бываетъ услышана. Впрочемъ, за Сына Божія они Христа не признавали. За оокорбленіе имени Христа Турки наказывали какъ Іудеевъ, такъ и своихъ собратій—Турокъ ³⁾. Герлахъ рассказываетъ

¹⁾ Historia Patriarchica p. 79. Edit. Bonn. 1849.

²⁾ Historia Politica Constantinopoleos, p. 26. Edit. Bonn. 1849.

³⁾ Elssner: Neueste Beschreibung d. Griechisch. Christen. S. 162 — 163. Berl. 1737.

слѣдующій случай, происшедшій во время его пребыванія въ Константинополь (въ XVI в.). Одинъ Іудей въ ссорѣ съ Грекомъ позволилъ себѣ сказать, что Христось былъ незаконнорожденнымъ, а мать Его была безчестною женщиною. Дѣло происходило въ присутствіи Турокъ, которые и явились на судъ, куда Грекъ привлекъ Іудея за оскорбленіе христіанской религіи. Судья присудилъ виновнаго къ 80-ти ударамъ по пятамъ. Но христіане остались недовольными приговоромъ судьи и обратились съ апелляціей къ самому султану. Послѣдній опредѣлилъ, чтобы съ преступникомъ поступлено было сообразно съ законами. Магометанскій муфтій, по справкѣ съ законами, нашель, что Іудей, наносящій оскорбленіе Христу, долженъ быть или по грудь зарытъ въ землю, или побить камнями, или сожженъ, или пожизненно заключенъ въ тюрьму, — при чемъ въ послѣднемъ случаѣ въ продолженіе 40 дней надлежало давать ему 40 ударовъ по пятамъ. Заручившись указанною справкою, полученною отъ муфтія, христіане отправились въ императорскій диванъ и требовали, чтобы виновный Іудей или былъ побить камнями, или сожженъ. Но диванъ по нѣкоторымъ соображеніямъ не рѣшилъ на такую казнь виновнаго и ограничился тѣмъ, что присудилъ его къ тюрьмѣ. Возможно, что христіане настояли бы на своемъ, если бы Іудей не собрали между собой значительной суммы денегъ въ 1,000 дукатовъ и не поднесли ихъ султаншѣ-валиде (т. е. матери царствующаго султана). Іудей былъ заключенъ въ тюрьму, и ему при томъ же положено было ежедневно давать извѣстное число ударовъ по пятамъ ¹⁾. Какъ мы сказали, турецкій судъ не давалъ спуску и тѣмъ изъ Турокъ, которые осмѣливались неуважительно относиться ко Христу. Досиной іерусалимскій рассказываетъ, что по доносу какого то армянина одинъ магометанинъ эффенди Магометъ за оскорбленіе христіанской религіи былъ вытребованъ въ сулъ, и когда обвиненіе подтвердилось, то опредѣлено было отрубить голову виновнику, ибо въ Коранѣ предписано—добавляетъ повѣствователь—убивать того, кто злословить пророка (Христа) ²⁾.

¹⁾ Gerlach. Türkisches Tage-buch, S. 374. Franckfurt am M. 1674.

²⁾ Λοσιθέου. Ιστορία περί των ἐν Ιερουσαλ. πατριαρχευσατων, σελ. 1172.—

Въ средѣ Турокъ можно было встрѣтить не мало людей, которые уважали христіанство не только потому, что этого требовалъ ихъ законъ и обычаи, но и по внутреннему убѣжденію въ святости христіанской вѣры. При султанѣ Магометѣ I († 1421) явились два еретика мятежника. Отъ греческихъ монаховъ въ Смирнѣ и другихъ христіанъ въ Малой Азіи набрались они завирательныхъ идей. Махмутъ Бедреддинъ и Мустафа стали учить, что Турокъ нечестивъ, когда утверждаетъ, что христіане не почитаютъ Бога, что, напротивъ, спасеніе заключается въ религіозномъ единеніи съ христіанами. Ученики этихъ еретиковъ, встрѣчая христіанъ, обнимали ихъ, какъ братьевъ и почитали ихъ, какъ ангеловъ Господнихъ. Они вступали въ самыя дружественныя связи съ хіосскимъ духовенствомъ въ Азіи, съ Волохами и другими христіанами въ Европѣ. Усмиреніе ихъ возстанія и казнь ихъ въ 1418 году не уничтожили этой ереси. Венеціанскій посланникъ въ Константинополь Антоніо Барбаро въ XVI вѣкѣ доносилъ сенату, что между мусульманами въ Европѣ явились въ его время еретики, учившіе, что Христосъ былъ Богъ и Спаситель. Схваченные, умирая въ мученіяхъ, обнаруживали необыкновенную твердость. Говорили въ то же время, что многіе изъ сановниковъ Порты держатся того же ученія ¹⁾. Такъ было въ исключительныхъ случаяхъ, но и всегдашнее отношеніе Турокъ къ религіознымъ обычаямъ Грековъ свидѣтельствовало, что мусульмане раздѣляли многія народныя вѣрованія своихъ подчиненныхъ. Многіе греко-христіанскіе обычаи стали для Турокъ какъ бы родными. Они вѣрили въ святость воды, освящаемой въ греческихъ храмахъ, приписывали ей даръ совершать чудеса, наприм. изгонять бѣсовъ. Святые колодцы Грековъ Турки посѣщали съ такою же

Для доказательства сейчасъ раскрываемыхъ нами мыслей касательно уваженія христіанской религіи Турками, мы могли бы воспользоваться сочиненіемъ Баязитова, подъ заглавіемъ: „Отношенія ислама къ наукѣ и новѣрцамъ“ (Петерб., 1887), но мы не дѣлаемъ этого, во 1-хъ, потому что сочиненіе это написано какимъ-то петербургскимъ „имамомъ“, а во 2-хъ, оно явно проникнуто апологетическою тенденціею. Поэтому мы сочли за лучшее оставить это сочиненіе въ сторонѣ, ограничиваясь такими сочиненіями, авторитетность которыхъ для насъ представляется не подлежащею сомнѣніямъ.

¹⁾ Ламанскаго. Могушество Турокъ. Стр. 11.

ревностію, какъ и христіане; мало того: они ходили къ гробамъ христіанскихъ святыхъ, брали отъ нихъ чудесный елей и вѣровали, что этотъ елей окажетъ имъ помощь и врачеваніе. Они даже прямо обращались къ греческому духовенству, прося его молитвъ ¹⁾. Извѣстно, что во время общественныхъ бѣдствій они обращались къ патриарху константинопольскому и просили его совершить общественныя молитвы, въ надеждѣ, что его молитвы будутъ услышаны небомъ, и государство получить избавленіе отъ той или другой общественной бѣды ²⁾. При такихъ отношеніяхъ Турокъ къ христіанству, Греки, лишившіеся своего царства и свободы, смѣло могли рассчитывать, что Магометъ II не наложитъ рукъ на ихъ культъ и ихъ религиозные порядки, что и оправдалось на самомъ дѣлѣ. Ибо Магометъ былъ человѣкомъ передовымъ среди своего народа, оставаясь чуждымъ фанатизму.

Да и исторія Турокъ-Османовъ до завоеванія Константинополя показывала, что не въ обычаѣ этого народа было фанатически преслѣдовать покоренныя имъ, не мусульманскія, націи. На европейской почвѣ Турки нигдѣ не руководились политикой Сарациновъ, насильно обращавшихъ всѣхъ въ исламъ въ Испаніи, Сицили и Критѣ (въ IX вѣкѣ); въ ихъ лѣтописяхъ нельзя указать на истребленіе христіанъ, устроенное правительствомъ, подобно истребленію Мавровъ въ Испаніи; сами Греки могли бы засвидѣтельствовать, что религиозная ненависть Турокъ сильнѣе тяготѣла на ихъ собственныхъ еретикахъ (шіитахъ), чѣмъ на христіанахъ, совершенно такъ же, какъ ненависть Грековъ къ римско-католикамъ пересиливала ихъ непріязнь къ мусульманамъ ³⁾.

Магометъ II не могъ уже оставаться позади своихъ предшественниковъ по власти—въ отношеніяхъ къ христіанамъ. Да и самый характеръ Грековъ исключалъ возможность примѣнять къ нимъ какіе либо приемы прежнихъ Сарациновъ. „Греческая національность съ давнихъ временъ сложилась въ замѣчательно-крѣпкое цѣлое; ненависть ея ко

¹⁾ Elssner. Opus cit., S. 333—334.

²⁾ Ricaut. Histoire de l'église Grecque, p. 17—18. Amsterd. 1710.

³⁾ Гервинуса. Возстаніе и возрожденіе Греціи (Исторія XIX вѣка, том. 5), стр. 11. Рус пер. Петерб., 1868.

всему чужому въ тѣ времена составляла характеристическую черту; въ ней, этой націи, былъ заключенъ твердый церковный элементъ, этотъ элементъ, не какъ у романскихъ, славянскихъ и германскихъ народовъ, составлялъ рѣшительное и преобладающее отличіе самой греческой національности. По отношенію къ такой національности, какъ греческая, которая вообще рѣдко склонялась къ обращенію въ исламъ, политика Порты должна была быть иная, чѣмъ въ другихъ случаяхъ“¹⁾. Не въ борьбу вступить съ Греками нужно было побѣдителю Византіи, а въ соглашеніе и избобрѣсти *modus vivendi*. По всему этому „Магометъ II поступилъ съ подвластною ему христіанскою церковью ни какъ Сигизмундъ съ гусситами, ни какъ Карлъ V или Филиппъ II съ протестантами и ни какъ Людовикъ XIV съ гугенотами“²⁾. Онъ поступилъ, какъ долженъ былъ поступить разумный политикъ. Его отношеніе къ греческимъ христіанамъ „было въ высшей степени благопріятно и выгодно для нихъ“³⁾.

Лишь только былъ выбранъ первый Константинопольскій патріархъ, подъ турецкимъ владычествомъ (а самая инициатива возможно успѣшнаго избранія патріарха принадлежала Магомету II), какъ новый государь бывшаго греческаго царства, однажды навсегда, опредѣлилъ религіозное положеніе Грековъ въ оттоманской имперіи. Свои опредѣленія въ этомъ случаѣ султанъ закрѣпилъ высочайшею грамотою—фирманомъ. Къ сожалѣнію ни текстъ, ни точное содержаніе той грамоты до насъ не сохранилось. Можно даже думать, что въ планы лучшаго греческаго историка того времени Франдзія не входило желаніе изложить точнымъ образомъ текстъ этой грамоты или содержаніе ея. Для пессимиста и дряхлаго старца, не могшаго утѣшиться по поводу паденія греческаго царства и гибели трона Палеологовъ, какимъ былъ Георгій Франдзіи—не интересно было записывать ради потомства о тѣхъ милостяхъ, которыхъ, повидимому, совершенно неожиданно удостоились Греки.

¹⁾ Hertzberg, B. II, S. 543—544.

²⁾ Pischon (бывшій пасторъ при прусскомъ посольствѣ въ Константинополѣ). Die Verfassung der Griechisch-orthodoxen Kirche in der Türkei (Stud. und Kritik. 1864, S. 87).

³⁾ Zinkeisen. B. II, S. 13.

Этотъ историкъ говоритъ, что Магометъ далъ патриарху письменно изложенныя опредѣленія за его собственною подписью, которыми удостовѣрялось, что никто не станетъ досаждать или прекословить ему, но что онъ будетъ защищенъ, обезопасенъ отъ всякаго врага и будетъ свободенъ отъ всякихъ даней и подати. Такъ будетъ поступлено какъ съ нимъ (патриархомъ Геннадіемъ), такъ и съ его преемниками, а равно и съ подчиненными имъ епископами ¹⁾. Само собою понятно, что это не языкъ фирмана, а болѣе чѣмъ свободное изложеніе его смысла. Безъ сомнѣнія, Магометъ II даровалъ какія нибудь права и народу греческому, но объ этомъ у Франдзія нѣтъ ни слова. На основаніи историческаго изученія первоначальныхъ отношеній турецкаго правительства къ греческой церкви, съ достаточнымъ основаніемъ приходятъ къ выводамъ, что еще Магометомъ II и его ближайшими преемниками даны были слѣдующія главные религіозныя права христіанамъ бывшаго византійскаго государства: весь греческій народъ обязанъ платить ежегодную поголовную подать въ пользу казны—хараджъ. Но за то религія и религіозныя учрежденія Грековъ сохраняются. Личности патриарха, епископовъ и священниковъ признаются неприкосновенными. Всѣ духовныя лица считаются свободными отъ подати. Половина церковей Константинополя обращается въ мечети, а другая остается въ пользованіи христіанъ. Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся внутренняго церковнаго управленія—каноны сохраняютъ свою силу; самостоятельность церковнаго управленія, производимаго патриархомъ и епископами, ни въ чемъ Портою не нарушается. При патриархѣ существуетъ Свят. Синодъ, патриархъ и Синодъ ведутъ дѣла церковнаго управленія. Всѣ религіозныя дѣйствія отправляются свободно. Браковѣнчанія, погребенія и другіе церковныя обряды совершаются безпрепятственно и открыто. Позволяется торжественное празднованіе праздника Пасхи во всѣхъ городахъ и деревняхъ; а въ Константинополѣ ворота квартала Фонарь, гдѣ находится патриархія, должны оставаться незапертыми въ теченіи трехъ пасхальныхъ ночей ²⁾.

¹⁾ Frantzae. Chronicon majus, p. 896.

²⁾ Pischon. Verfassung u. s. w. s. 87—88. Zinkeisen, B. II, S. 10. Hertzberg, II, 550.

Вотъ въ общемъ та религіозная свобода, какая представлена была греческимъ христіанамъ. Само собою понятно, что не всегда она сохраняла свою полную силу. И вина въ этомъ случаѣ не всегда падаетъ на Турокъ и ихъ правительство. Но несомнѣнно, что патріархъ и во времена турецкія, какъ лице священное, остался тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по канонамъ; архіереямъ ничто не препятствовало быть въ полномъ смыслѣ слова пастыреначальниками. Синодъ всегда дѣйствовалъ. И идея соборнаго управленія не угасла въ греческой церкви. Разумѣется, эта идея не въ одинаковой мѣрѣ осуществлялась, но во всякомъ случаѣ правительство препятствій къ ея осуществленію не дѣлало. Каноны всегда могли сохранять свою силу. Безъ храмовъ христіане нигдѣ и никогда не оставались. А что касается богослуженія, то оно не терпѣло никакихъ серьезныхъ стѣсненій. Исторія въ этомъ отношеніи даетъ достаточныя удостовѣренія. Греки, какъ это можно видѣть изъ надежныхъ свидѣтельствъ, свободно отпиравливали богослуженіе. Въ полночь или даже раньше въ большіе праздники греческіе христіане, не исключая малолѣтнихъ, съ лампадами и фонарями мирно шли въ храмъ къ утреннему богослуженію и турецкая ночная стража и другія лица не останавливали идущихъ. Въ греческихъ храмахъ во время богослуженія ни одинъ Турокъ не могъ допустить себѣ безпорядка, подъ опасеніемъ тяжкаго наказанія. Въ этомъ случаѣ Турки, по замѣчанію наблюдателей, являлись болѣе толерантными, чѣмъ разные христіанскіе сектанты одни къ другимъ ¹⁾). Турецкая терпимость простиралась такъ далеко, что мусульманское правительство не воспрещало Грекамъ ежегодно въ недѣлю Православія совершать извѣстный чинъ православія, въ которомъ между прочимъ возглашалась анаеема противъ Агарянъ. И это происходило не гдѣ нибудь въ захолустѣ, а въ самомъ Константинополѣ и совершалось самимъ патріархомъ. Турки приходили въ христіанскую церковь и собственными ушами слушали, что ихъ, какъ магометанъ, провозглашаютъ и нечестивыми, и проклятыми, но не препятствовали совершенію ранѣе установленнаго богослужебнаго чина. Нѣкоторые изъ Турокъ дово-

¹⁾ Elssner. Neueste Beschreib., S. 328—329.

дили объ этомъ явленіи до свѣдѣнія пашей, но эти оставляли доносы безъ вниманія. Впрочемъ, если бы кто изъ христіанъ рѣшился назвать Турка нечестивымъ внѣ церкви, таковой подлежалъ законной отвѣтственности ¹⁾. Турки не только оставляли неприкосновеннымъ соблюденіе Греками богослужебныхъ обычаевъ, но деликатно относились къ тѣмъ древнимъ народнымъ обыкновеніямъ, которыя соединялись съ праздниками. Такъ, они позволяли имъ проводить три первыхъ дня Пасхи въ полномъ веселіи, пользуясь свободою общественною. Греки могли шумѣть, заводить игры и плясать со стаканами въ рукахъ на улицахъ. Чтобы не мѣшало греческому народу веселиться на праздникѣ, Турки въ это время благоразумно сидѣли дома, рѣшаясь явиться на улицѣ только по неотложной нуждѣ. Въ свою очередь и Греки во время совершенія магометанами праздника Байрама тоже старались не мозолить глаза Туркамъ ²⁾.

Вотъ тѣ чисто религіозныя права и та религіозная свобода, которыя получилъ греческій христіанскій народъ отъ султановъ, со временъ Магомета II. Разумѣется права эти не очень велики. Но большихъ и трудно было ожидать отъ иновѣрнаго правительства въ тѣ нетолерантныя времена, когда палъ Константинополь. Если бы только этимъ ограничились милости султановъ къ ихъ греческимъ подданнымъ, то объ этомъ едва ли и стоило бы говорить. Но этимъ дѣло не ограничилось. Оттоманская Порта поставила себя въ такія отношенія къ греческой іерархіи и греческому народу, которыя доставили той и этому много выгодъ и преимуществъ. Эти выгоды и преимущества были такъ значительны, что „христіанская іерархія теперь приобрѣла даже болѣе самостоятельности и болѣе полномочное положеніе, чѣмъ какъ это было при византійскихъ императорахъ“ ³⁾. А греческій народъ получилъ возможность жить такъ, что „мрачныя представленія о турецкомъ гнетѣ необходимо должны нѣсколько просвѣтлѣть“ ⁴⁾.

І. Отношенія Оттоманской Порты къ греческой іерархіи.

Тѣ религіозныя права, которыя мы изчислили выше и

¹⁾ Gerlach. Türckisches Tagebuch, S. 469.

²⁾ Elssner. Neuste Beschreib., S. 330—331.

³⁾ Pischon. Opus cit. S. 88.

⁴⁾ Гервинуса. Восстаніе Греціи, стр. 13.

которыя султаномъ даны греческой церкви, составляли собою, такъ сказать, основные законы, по которымъ всегда должна была жить эта послѣдняя. Но помимо этого, каждый патріархъ константинопольскій и каждый епископъ греческій получали еще, при самомъ вступленіи ихъ въ управленіе церковью (первый при возведеніи въ патріархи, а второй при посвященіи въ архіереи) особые султанскіе бераты (*μπαράτιον*), которые имѣли нѣкоторое сходство съ тѣми ставленными грамотами, какія даются у насъ отъ свят. Синода архіереямъ при ихъ посвященіи. Эти бераты чрезвычайно важны по своему значенію; они даютъ такія права патріархамъ и архіереямъ, какихъ они нигдѣ не имѣютъ. Въ силу этихъ бератовъ патріархъ константинопольскій и греческіе архіереи становятся главами народа, облеченными гражданскою свѣтско-судебною и полицейскою властью. Разсмотримъ содержаніе султанскихъ бератовъ ¹⁾ и поста-

¹⁾ Намъ хотѣлось было составить ясное представленіе о бератахъ, изучить для этого возможно большее число ихъ—изъ разныхъ вѣковъ; но мы не нашли надеждащаго матеріала, который служилъ бы нашей цѣли. Писатели какъ иностранные, наприм. обстоятельный Маугер (В. I, 381—2), такъ и русскіе, наприм. И. Березинъ („Православная и другія христіанскія церкви въ Турціи“, стр. 5 и дал. Петерб. 1855) и проф. И. С. Бердниковъ (въ статьѣ: „Церковное Право въ православной церкви“. Прав. Собес. 1890, т. I, 197 и дал.) цитируютъ или цѣликомъ въ переводѣ приводятъ, когда приходится имъ говорить о патріаршемъ бератѣ, единственный текстъ подобнаго берата, выданнаго султаномъ константинопольскому патріарху Неофиту въ 1789 году и напечатаннаго во французскомъ сочиненіи: D'Ohsson'a Tableau general de l'empire Othomane, изданномъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія. Болѣе раннихъ патріаршихъ бератовъ никто изъ извѣстныхъ намъ писателей по греко-восточной церкви не приводитъ. Вотъ, послѣ этого и извольте составлять понятіе относительно исторіи бератовъ! Правда Ельснеръ (Neueste Bescheid., 60) сообщаетъ, что онъ читалъ описаніе одного патріаршаго берата у какого-то, намъ неизвѣстнаго Tournefort'a; но самъ Ельснеръ не сообщаетъ достаточныхъ свѣдѣній объ этомъ бератѣ. Мы даже сомнѣваемся, чтобы, упоминаемый Ельснеромъ, Tournefortъ въ самомъ дѣлѣ описывалъ бератъ патріаршій, ибо нѣмецкій писатель говоритъ, что будто въ этомъ бератѣ христіане побуждались къ послушанію патріарху, подъ угрозою палочныхъ ударовъ по ятамъ. Указанное сомнѣніе наше основывается на томъ, что бератами, какъ увидимъ ниже, давалась патріархамъ столь неограниченная власть надъ христіанами, что о такихъ пустякахъ, какъ палочные удары и говорить въ бератѣ не стоило.—Мы, впрочемъ, не вовсе лишены возможности составить хотя слабое представленіе касательно исторіи патріаршихъ бе-

раемса разъяснить его посредствомъ, надлежащаго историческаго комментаріа.

Права, даруемыя бератомъ патріарху константинопольскому по отношенію къ всему высшему и низшему духовенству всего его патріархата, чрезвычайно велики. Въ бератѣ значилось: „повелѣваемъ митрополитамъ, архіепископамъ всѣхъ городовъ нашей обширной имперіи, а равно всѣмъ игуменамъ, священникамъ и монахамъ и вообще всѣмъ подданнымъ греческаго обряда обращаться къ нему (патріарху) по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ его юрисдикціи, уважать его пастырскій авторитетъ, быть послушными его увѣщаніямъ, повиноваться ему, согласно правамъ его сана и обязанностямъ религіи. Патріархъ и Синодъ имѣютъ право избирать и поставлять митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ; свободно распоряжаться этими дѣлами по своему усмотрѣнію и дѣлать постановленія обо всемъ,

ратовъ: намъ удалось отыскать еще текстъ патріаршаго берата, относящагося къ XVII вѣку и выданнаго патріарху Діонисію, извѣстному съ именемъ ларисскаго, и напечатаннаго, нужно сказать вовсе не кетати, въ сочиненіи Аутол'а: *Monuments authentiques de la religion des Grecs*, p. 486. Сравнивая бератъ, цитируемый и приводимый Мауеромъ, проф. Бердниковымъ и Березинымъ съ бератомъ у Эймона—мы пришли къ тому выводу, что патріаршіе бераты XVII и XVIII вѣковъ въ существенныхъ и главнѣйшихъ чертахъ оставались тождественными. Бератами, отпечатанными у Березина, проф. Бердникова и Эймона—мы будемъ пользоваться ниже въ нашей работѣ. Намъ между прочимъ хотѣлось выяснитъ себѣ: былъ ли данъ бератъ первому патріарху турецкаго періода Геннадію? имѣли ли такіе бераты его ближайшіе преемники? когда вообще появились бераты, каково ихъ первоначальное содержаніе, росли ли права патріарховъ или малились? Но на всѣ эти вопросы не нашли отвѣта. По видимому, Геннадій и его ближайшіе преемники бератовъ не брали. Если не ошибаемся, первое упоминаніе о бератѣ встрѣчается въ XVI вѣкѣ, но о содержаніи этого берата ничего неизвѣстно. Мы разумѣемъ бератъ, полученный патріархомъ Θεопитомъ (*Historia Patriarch.* p. 151. Edit. Vopp.). Намъ думается, что бераты патріаршіе имѣли не совсѣмъ чистое происхожденіе. О нихъ начинаются упоминанія тогда, когда рѣчь ведется о такихъ патріархахъ, которые не совсѣмъ законными путями достигли патріаршества,—именно посредствомъ подкуповъ. Достигнувъ такими способами патріаршества, эти симонисты, чтобы не встрѣтить себѣ сопротивленія въ церкви, повидимому, выхлопатывали султанскій указъ—бератъ, утверждающій ихъ назначеніе на константинопольскую кафедру. Полагася, что первые патріархи турецкаго періода пользовались своими широкими правами—безъ султанскихъ указовъ—на основаніи разъ изъ-

что касается священниковъ и монаховъ, могутъ ставить на мѣста и лишать мѣстъ, могутъ замѣщать и смѣщать, какъ имъ кажется лучше. Митрополиты, архіепископы и епископы не могутъ отправляться и являться въ Константинополь безъ соизволенія патріарха. Повелѣваемъ, чтобы все, касающееся управленія церквей и монастырей, управленія ихъ экономіей, доходовъ и расходовъ, относилось исключительно къ компетенціи патріаршей каѳедры. Патріархъ имѣетъ право назначать комиссаровъ и посылать ихъ въ провинціи для сбора даней, которыя обязаны платить въ пользу патріаршей каѳедры митрополиты, архіепископы, епископы, священники и прочіе. Согласно древнему обычаю упомянутыя лица обязаны безпрекословно платить обычные дани. Во всѣхъ случаяхъ, когда явится надобность взять для цѣлей правосудія какого-либо митрополита или другое лице священнаго сана, арестъ его можетъ состояться не иначе, какъ при участіи патріарха“.

явленныхъ Портою преимуществъ. Впрочемъ разъясненіе исторіи патріаршихъ бератовъ должно составить задачу греческихъ ученыхъ. Иностраннымъ историкамъ это дѣло не подь силу. Не смотря на вышеизложенное, скажемъ, какъ мы говорили раньше въ подобныхъ случаяхъ и какъ намъ придется не разъ это повторить: сдѣлаемъ, что можемъ. — Что касается текста берата, вручаемаго прочимъ архіереямъ, то въ этомъ отношеніи мы находимся въ еще болѣе жалкомъ положеніи. Мы отыскали одинъ и единственный текстъ подобаго документа въ сочиненіи Heinescii: *Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche. Theil II, 386—387. Leipz. 1711.* Но и этотъ текстъ по нѣкоторымъ основаніямъ нужно признать недостаточно надежнымъ. Безъ іереміадъ, при изученіи исторіи греко-восточной церкви, не обойдешься.

Н. В. При содѣйствіи достопочтеннаго профессора Е. Е. Голубинскаго, я *потомъ* нашелъ еще экземпляръ патріаршаго берата, выданнаго константинопольскому патріарху Кириллу въ 1855 году. Онъ напечатанъ въ сербскомъ переводѣ въ сербскомъ журналѣ: „Гласникъ“ (свзска IX, 1857 г., стр. 227—242). Въ этомъ бератѣ не однократно говорится что онъ составленъ сообразно съ древними образцами того же рода. Значить въ изложеніи бератовъ наблюдалась традиція. Власть патріарха и здѣсь представляется очень широкою. Наприм. здѣсь говорится: султанъ „благоволилъ дать новому патріарху полную власть, какую имѣли его предшественники“. О патріархѣ говорится въ бератѣ въ тонѣ очень благоклонномъ. Но повидимому, произошли къ этому времени и нѣкоторыя ограниченія власти патріаршей. Значеніе синода поднялось по сравненію съ прежними временами; здѣсь читаемъ: „безъ согласія митрополитовъ (членовъ синода) патріархъ ничего не смѣетъ (?) дѣлать“. Въ одномъ пунктѣ бе-

Эймонъ, приводя въ болѣе сокращенномъ видѣ содержаніе подобнаго же берата, въ которомъ впрочемъ упоминается вездѣ одинъ патріархъ безъ прибавленія: „и Синодъ“, съ удивленіемъ замѣчаетъ: „изъ содержанія этого берата открывается, что едва ли найдешь другой родъ тиранніи, чѣмъ какая предоставлена греческимъ патріархамъ: смѣщеніе митрополитовъ, епископовъ, священниковъ и монаховъ абсолютно зависитъ единственно отъ воли того, кто занимаетъ кафедру патріаршую; этотъ послѣдній можетъ отнимать доходы у всѣхъ архіереевъ и другихъ церковныхъ лицъ, въ случаѣ если они не покажутъ предъ нимъ стѣпнаго послушанія, онъ вообще можетъ захватить имущество лицъ живыхъ подъ разными предлогами“¹⁾.

Дѣйствительно удивляться есть чему. Патріархъ, по смыслу берата, становится полнымъ господиномъ надъ всѣмъ высшимъ и низшимъ духовенствомъ его патріархата. Такого рода бераты прежде всего несомнѣнно давали особенный престижъ личности патріарха, каковъ бы онъ ни былъ. Патріархъ являлся великимъ человѣкомъ въ глазахъ всего его многомилліоннаго православнаго патріархата. Вотъ патетическое описаніе тѣхъ чувствъ, которыя волновали стариннаго Грека при мысли о патріархѣ, описаніе, разбавленное впрочемъ замѣтками иностраннаго писателя. „Пріятно смотрѣть на высокій крестъ, который утверждёнъ на патріархіи и который далеко виденъ и на сушѣ, и съ моря. Сама патріархія вмѣстѣ съ церковію (Богоматери), находясь на вершинѣ Стамбула, и окруженный стѣнами дворъ съ деревьями и жилище патріарха, — все это казалось святи-

рата говорится: „всѣ споры изъ за власти и по поводу святаго закона между патріархомъ, митрополитами, епископами, будутъ разсматриваться въ императорскомъ Диванѣ“ (!). Порядокъ параграфовъ значительно отступаетъ отъ порядка, какой находимъ въ бератѣ 1789 года. Много есть здѣсь мелочныхъ предписаній финансоваго характера. Таковъ образецъ берата XIX-го вѣка. Въ немъ нѣтъ ничего особенно-важнаго. Въ дальнѣйшей нашей рѣчи мы будемъ пользоваться, какъ указало нами выше, текстомъ патріаршихъ бератовъ XVII и XVIII вѣка. Бератъ же, изданный въ „Гласникѣ“ принадлежитъ къ порѣ начинающагося упадка значенія власти патріаршей. Онъ можетъ имѣть интересъ для будущаго изслѣдователя исторіи бератовъ, если таковой найдется. Въ этихъ цѣляхъ мы и указали на него въ настоящемъ примѣчаніи.

¹⁾ Aumon. Monuments, p. 487.

лицемъ. Предъ воротами здѣсь никто не пройдетъ безъ того, чтобы не положить руку на сердце, не преклониться и затѣмъ не осѣнить себя крестомъ въ дальнѣйшемъ пути. Церковь патріархіи свѣтила, какъ солнце среди тьмы. Дѣло доходило до того, что переносились отсюда мыслию къ самому Божеству. Съ Самимъ Богомъ, сѣдящимъ на Своемъ престолѣ, сравнивали патріарха, который единое лице отъ Тронцы, именно Иисуса Христа, представлялъ собою на земномъ престолѣ. Земной этотъ рай Богъ содѣлалъ, а не человѣческая рука насадила“ ¹⁾). Такъ было давно, но не прешла слава патріарха и въ болѣе новое время. „Не смотря ни на что, народъ съ дѣтскимъ почтеніемъ относится къ своему духовному верховному главѣ. Провозглашеніе новаго патріарха привѣтствуется народомъ, какъ отраднѣйшее событіе. Со всѣхъ сторонъ новому пастыреначальнику шлютъ дары, часто очень скромные, но всегда щедрой рукой. Изъ Хіуса вѣрующее благочестіе посылаетъ мастику, изъ Аттики оливы, съ горы аонской волну, драгоценныя тончайшія ткани изъ Малой Азіи“ ²⁾). „Уваженіе къ патріарху, какъ патріарху первой каведры, во всѣхъ греческихъ церквахъ, весьма велико; даже прочіе патріархи чтутъ его какъ перваго между ними, признаютъ его и его церковь главой и нормой для всего восточнаго христіанства; Греки низко склоняютъ предъ нимъ голову, также и Турки“ ³⁾).

Патріархъ имѣетъ право ѣздить верхомъ (чего лишена прочая райя), имѣтъ свиту, одѣваться, какъ онъ хочетъ; на пути впереди его носится крестъ, жезлъ и свѣтильники — и въ этомъ никто не можетъ дѣлать ему препятствій. Его касса, въ которую стекались всѣ доходы патріаршіе, пользовалась до послѣдняго времени такимъ кредитомъ, что сами Турки предпочтительно сюда помѣщали свои капиталы ⁴⁾).

Его власть по отношенію къ высшему духовенству ту-

¹⁾ Hertzberg. В. III, S. 83—84. Cf. *Historia Patriarchica*, p. 202—204 (edit. Bonn.), откуда и заимствовано вышеприведенное описаніе, но съ соединеніемъ нѣкоторыхъ варіацій.

²⁾ Mendelssohn - Bartholdy. *Geschichte Griechenlands*. Theil. I, S. 12. Leipzig. 1870.

³⁾ Elssner. *Neueste Beschreib.* S. 77—78.

⁴⁾ Silbernagl. *Verfassung und gegenwärtiger Bestand der Kirchen des Orients*. S. 15. 17. Landshut, 1865.

рецкой имперіи не оставалась поминальною, но обнаруживалась во всей силѣ, согласно точному смыслу султанскаго берата. Патріархъ по своей доброй волѣ могъ поставлять и отставлятъ митрополитовъ и епископовъ. Только по его ходатайству всякій вновь назначенный епископъ получалъ отъ Порты такой важный документъ, какъ берать. Патріархъ высылалъ изъ столицы, если хотѣлъ, въ его епархію какого угодно митрополита и епископа, исключая четырехъ главныхъ членовъ синода, этихъ хранителей патріаршей печати. Патріархъ можетъ налагать наказаніе на клирика какой угодно епархіи, соображаясь, впрочемъ, съ церковными канонами ¹⁾. Одинъ или при участіи Синода патріархъ рѣшалъ всѣ споры, возникавшіе въ церкви ²⁾. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что, не спрашивая другихъ архіереевъ, патріархъ можетъ причислять какого либо прославленнаго святаго человѣка къ лику угодниковъ Божіихъ: по правиламъ греческой церкви требуется, чтобы тысяча свидѣтелей удостовѣрила совершеніе чудесъ при гробѣ того или другаго праведнаго христіанина; поэтому въ указанной церкви рѣдко встрѣчаются примѣры канонизаціи ³⁾.

Патріархи, пользуясь правами, предоставленными имъ въ силу бератовъ, не только низвергали негодныхъ имъ епископовъ съ кафедръ, но и легко могли добиться ихъ ссылки. Такъ въ 1864 году патріархъ просилъ у Порты, чтобы она наказала ссылкой двухъ болгарскихъ епископовъ Авксентія и Иларіона, и турецкое правительство съ большою готовностью исполнило волю константинопольскаго іерарха. Нѣсколько ранѣе, двухъ назойливыхъ болгарскихъ священниковъ, никого не спрашиваясь, патріархъ заперъ сначала въ домъ для умалишенныхъ, а потомъ заточилъ въ греческій монастырь ⁴⁾. Намъ встрѣтилось у одного русскаго, знакомаго съ греческимъ церковнымъ міромъ, писателя, извѣстіе, что будто въ былыя времена патріархъ наказывалъ епископовъ, не уважавшихъ свой санъ, тѣмъ, что дѣлалъ ихъ

¹⁾ Ibidem, S. 13.

²⁾ Hertzberg. Op. cit., S. 80.

³⁾ Maurer. Das Griechische Volk. I, 388.

⁴⁾ Hasemann. Griechische Kirche im Mittelalter und der Neuzeit, S. 211: Ersch und Gruber. Encyclopädie, B. 84. Leipz. 1866.

баньщиками въ Константинополь; но это извѣстіе мы считаемъ сомнительнымъ ¹⁾.

Согласно смыслу бератовъ, константинопольскій патріархъ былъ главнымъ лицомъ, въ завѣдываніи котораго находились всѣ безъ исключенія церковныя имущества; и значить могъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Въ этомъ тоже состояло его отличіе отъ прочихъ архіереевъ. Въ бератѣ значилось: „Вмѣстѣ съ свободнымъ владѣніемъ церквами, принадлежащими патріархату, патріархъ имѣетъ право владѣть и всѣми недвижимыми имѣніями и угодьями, принадлежащими къ церквамъ, — какъ-то: садами, виноградниками, полями и лугами, мызами, мельницами, домами, лавками, мѣстами, назначенными для богослужебныхъ собраній (панаиръ) или благочестивыхъ подвиговъ (аясма), рабочимъ скотомъ и имуществомъ всякаго рода“.

Для насъ особенно интересно узаконеніе, состоящее въ томъ, что патріархъ, оставаясь въ должности, дѣлался собственникомъ недвижимыхъ церковныхъ имуществъ. Откуда могли взяться такія имущества? Велики ли они были? Полагаютъ, что будто Магометъ II оставилъ за греческою церковью всѣ тѣ богатые недвижимыя имущества, которые находились въ рукахъ духовенства во время завоеванія столицы названнымъ султаномъ ²⁾. Съ болѣею основательностію можно утверждать, что тотъ же Магометъ II, заключая въ 1454 году договоръ съ Венеціей, выговорилъ при этомъ, чтобы и въ будущее время патріархъ константинопольскій получалъ съ находящихся въ венеціанской республикѣ, церковныхъ своихъ имуществъ всѣ тѣ доходы, какіе этотъ патріархъ получалъ во дни царей византійскихъ.

1) Леонтьевъ К. Н. „Изъ жизни христіанъ въ Турціи“. Т. III, стр. 58. М. 1876.—Свое сомнѣніе мы основываемъ на слѣдующемъ: возможно, что замѣчаніе это было выражено въ присутствіи г. Леонтьева, въ его бытность въ Греціи, какимъ нибудь славяниномъ, говорившимъ о константинопольской тюрьмѣ, именуемой: „Бань“, въ которую дѣйствительно могли попадать по волѣ патріарха и архіереи; а нашъ писатель, г. Леонтьевъ, собственное имя: „Бань“, по ошибкѣ, принялъ за нарицательное: „баня“; и вотъ тюрьма въ его разсказѣ превратилась въ баню.

2) Hertzberg. В. III, S. 81. Авторъ, къ сожалѣнію, не указываетъ, на чемъ онъ основываетъ свое интересное показаніе. Не есть ли это показаніе простое обобщеніе того, о чемъ говоритъ Цинкейзенъ? *См. нашу слѣдующую цитату.*

Увѣряють, что договоръ этотъ имѣлъ силу и въ концѣ XVI вѣка ¹⁾. По очень солидному свидѣтельству, во времена турецкія въ теперешней Греціи, предъ тѣмъ, какъ въ ней образовалось эллинское королевство, четвертая часть всѣхъ недвижимыхъ имуществъ находилась во владѣніи архіереевъ и церквей ²⁾. Извѣстно также, что св. Гробу или іерусалимской патріархіи, а также Аѳону, находящемуся подъ вѣдѣніемъ патріарха константинопольскаго, принадлежали весьма значительныя имѣнія въ Грузіи, Бессарабіи и Румыніи. Послѣднія, какъ извѣстно, сравнительно не очень давно были конфискованы румынскимъ княземъ Кузюю. Замѣчательно при этомъ, что Порта не только не посягала на церковныя имущества, но даже и сейчасъ принимаетъ довольно близкое участіе въ вопросѣ о возстановленіи правъ греческой церкви на владѣніе только что помянутыми, подвергшимися конфискаціи, имуществами. Въ очень компетентномъ источникѣ можно читать слѣдующее: „въ непродолжительномъ времени теперешній султанъ обратится къ державамъ, подписавшимъ берлинскій трактатъ, съ нотой о греческихъ монастыряхъ, расположенныхъ въ Румыніи и конфискованныхъ тамошнимъ правительствомъ назадъ тому 25 лѣтъ. Нота опирается на записку, представленную Портѣ патріархами Константинополя и Іерусалима, въ которой изложены ихъ притязанія. Оттоманское правительство безъ сомнѣнія имѣетъ не только право, но и обязанность защищать интересы своихъ подданныхъ“, замѣчено въ нашемъ источникѣ ³⁾.

До сихъ поръ, говоря о бератахъ патріаршихъ и ихъ содержаніи, мы держались въ сферахъ церковныхъ. Патріархъ предъ нами являлся, хотя и необычно полновластнымъ пастыреначальникомъ въ своемъ патріархатѣ, но все же онъ оставался для насъ іерархомъ — не болѣе. Теперь мы перейдемъ къ анализу такихъ законоположеній патріаршаго берата, которыя почти заставляютъ насъ забыть, что мы имѣемъ дѣло съ патріархомъ, а не съ могущественнымъ

¹⁾ Zinkeisen. В. III, S. 363.

²⁾ Maurer. Das Griech. Volk. В. I, 53—54.

³⁾ Сообщенія Прав. Палестинскаго Общества, томъ IV, стр. 695. Петерб. 1893.

мірскимъ начальникомъ. Въ бератахъ, даваемыхъ на имя патріарха, отъ лица султана говорилось: въ патріархи избирается человекъ „способный управлять, наблюдать и держать въ своихъ рукахъ своихъ единоплеменниковъ (точнѣе: единовѣрцевъ) на всемъ протяженіи нашей славной имперіи. Повелѣваетъ, чтобы все, касающееся управленія всей греческой націи на всемъ пространствѣ имперіи относилось къ компетенціи исключительно патріаршей кафедрѣ и Синода. Патріархъ имѣетъ право принимать мѣры строгости противъ мірянъ, на которыхъ приносятся жалобы по дѣламъ брачнымъ или по другимъ дѣламъ, относящимся до ихъ религіозной жизни, подвергать ихъ отлученію или поражать ихъ анаемой, не опасаясь никакого возраженія. Онъ можетъ наказывать виновныхъ въ нарушеніи правилъ вѣры, можетъ запретить имъ входъ въ храмы, лишить ихъ погребенія, не опасаясь возраженій. Никто ни въ какомъ случаѣ не долженъ принуждать силой какого либо подданнаго изъ Грековъ къ принятію исламизма“.

Принимая во вниманіе такія исключительныя права патріарха въ отношеніи мірянъ, о немъ говорятъ, что „онъ былъ не только духовнымъ начальникомъ, но и вождемъ греческой націи“ или же именуютъ „верховой главой націи въ политическомъ отношеніи“¹⁾. Дѣйствительно, преимуществами, какими награждалъ его бератахъ, дѣлали патріарха чѣмъ то въ родѣ верховной главы православныхъ въ Турціи. Ему принадлежали извѣстныя мірскія полномочія, и въ этомъ отношеніи его юрисдикція простиралась далеко за предѣлы его патріархата. Каждого изъ подчиненныхъ ему вѣрующихъ, если онъ заслуживалъ этого, патріархъ могъ отправить на галеры, не имѣя нужды испрашивать на это разрѣшенія у Порты. Присужденіе къ галерамъ — это было присужденіе къ пожизненному рабству. Эти несчастные поступали во флотъ, въ качествѣ колодниковъ-гребцовъ. Число колодниковъ-гребцовъ въ турецкомъ флотѣ въ XVI в. доходило до 10 тысячъ.—Все, что касалось управленія вѣрующими въ церковномъ отношеніи предоставлено было волѣ патріарха: во все это турецкая власть абсолютно не вмѣшивалась. Патріархъ имѣлъ право у себя въ патріар-

¹⁾ Maurer. В. I, S. 127. Zinkeisen. В II, 14.

хія созывать народныя собранія для обсужденія школьнаго дѣла, устройства госпиталей и т. п. Школы устраивались съ разрѣшенія патріарха, гдѣ угодно, и Порта не брала на себя права надзирать за методами и характеромъ преподаванія. Патріархъ обладалъ важнымъ полномочіемъ запрещать выпускъ или чтеніе какой нибудь вредной по его мнѣнію книги—и могъ наказывать противниковъ въ этомъ случаѣ¹⁾. Это не было пустымъ и формальнымъ правомъ. Вотъ что произошло въ XVII вѣкѣ по разсказу Рико²⁾. Одинъ іезуитъ написалъ на простонародномъ греческомъ языкѣ книгу подѣ заглавіемъ: „Щитъ римской церкви“, напечаталъ ее въ Парижѣ и началъ раздавать ее между православными Греками. Патріархъ и Синодъ нашли эту книгу вредною для православныхъ. Опредѣлили экземпляры книги сжечь, чтенія ея воспретить, подѣ опасеніемъ строгаго отлученія. Воля патріарха была приведена въ исполненіе. Если кого изъ вѣрующихъ патріархъ подвергалъ отлученію, то никто, даже само турецкое правительство, не могло заставить какого либо греческаго священника отпѣть отлученнаго, въ случаѣ его смерти. Если патріархъ требовалъ, чтобы какой либо православный христіанинъ за оскорбленіе религіи былъ наказанъ ссылкой, то подобное требованіе всегда было удовлетворяемо и т. д.³⁾

Мы знаемъ уже, что султанъ, кромѣ патріарха, выдавалъ свой беретъ митрополитамъ и епископамъ. Беретъ епископскій въ общемъ походить на беретъ патріаршій: митрополитамъ и епископамъ предоставлялись такія же права, какъ и константинопольскому пастыреначальнику, но въ урѣзанной степени. Въ одномъ извѣстномъ намъ епископскомъ беретѣ читаемъ: „моя (султанская) воля и желаніе состоятъ въ томъ, чтобы всѣ христіане (извѣстной епархіи), какъ высшаго, такъ и нисшаго классовъ, а также пресвитеры и монахи признавали NN своимъ епископомъ и чтобы во всѣхъ дѣлахъ, какія принадлежатъ къ его компетенціи, обращались къ нему за рѣшеніемъ и чтобы отнюдь его при-

1) Silbernagl. Verfassung... S. 14. 69.

2) Ricaut. Histoire de l'eglise, p. 24—25.

3) Silbernagl. S. 70. Собственно о патріаршей судебной дѣятельности имѣемъ въ виду сказать ниже.

говорамъ не противились; онъ поставляетъ и низвергаетъ священниковъ и монаховъ; въ случаѣ низверженія ни тѣ, ни другіе не должны ему противорѣчить. Ему предоставлена власть утверждать духовныя завѣщанія и вообще всѣ предсмертныя распоряженія“. Ему же предоставлены права разбирать дѣла брачныя и свободно управлять церковнымъ недвижимымъ имуществомъ ¹⁾).

Требованія, выражаемыя въ епископскихъ бератахъ, во всей точности исполнялись какъ духовенствомъ, такъ христіанскимъ народомъ, подвѣдомымъ извѣстному архіерею.

Лично епископы, какъ и патріархъ, съ дозволенія Порты получили право ѣздить верхомъ и имѣть у себя свиту. Положеніе митрополитовъ и епископовъ въ политическомъ отношеніи было очень высокое и вліятельное, такъ какъ они принимали участіе въ турецкомъ провинціальномъ управленіи. Архіерей былъ непремѣннымъ членомъ важнѣйшаго органа провинціального управленія—меджилиса и чрезъ это становился въ тѣсную связь съ турецкими мѣстными властями ²⁾).

По отношенію къ подчиненному ему клиру архіерей, въ силу берата, былъ въ собственномъ смыслѣ владыкой. Своей епархіей онъ управлялъ вполнѣ самостоятельно и свободно, такъ же, какъ патріархъ своимъ непосредственнымъ церковнымъ округомъ. Онъ имѣлъ абсолютную власть надъ своимъ клиромъ. Всѣ духовныя лица, подчиненныя архіерею, обложены были различными податями ³⁾ и очень походили въ этомъ отношеніи на нашихъ дореформенныхъ крестьянъ, съ которыхъ помѣщики въ старое время брали оброки. Провинціальное духовенство состояло изъ лицъ малообразованныхъ и простыхъ, мало чѣмъ отличавшихся отъ простонародья. Въ виду этого между архіереемъ и подвластнымъ ему духовенствомъ не могло установиться дружественныхъ отношеній. Архіереи обращались съ клиромъ грубо и неуважительно. Жалобы повѣствователей въ этомъ случаѣ не имѣютъ конца. Вотъ для примѣра одна изъ такихъ жалобъ: „обращеніе греческихъ епископовъ со священниками было въ высшей степени недостойно. Нерѣдко

1) Heineccii. Abbildung, Theil II, S. 386—387.

2) Silbernagl. Op. cit. S. 27. 29

3) Ibidem, S. 24. 27.

епископы били священниковъ у алтаря. Многіе епископы имѣли обыкновение держать священниковъ у себя въ служеніи, заставляя ихъ работать въ своихъ дворахъ, конюшнѣ или садахъ“. Дѣло доходило до того, что иногда священникъ, которому архіерей давалъ приказаніе „таскать на дворъ изъ конюшни епископскаго дома въ коробѣ навозъ“, не желая выносить такого униженія, даже отказывался отъ христіанства и принималъ магометанство ¹⁾).

Большею частію совсѣмъ другія отношенія устанавливались между греческими архіереями, вооруженными бератомъ, и подчиненными имъ мірянами. Эти отношенія во всякомъ случаѣ принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ исторіи греко-восточной церкви турецкаго періода. Отчего зависѣла такая разница въ отношеніяхъ? Отчасти, вѣроятно, это зависѣло отъ того, что въ паствѣ каждаго провинціального архіерея встрѣчалось не мало людей интеллигентныхъ, вліятельныхъ, богатыхъ. Они и давали тонъ. Въ глазахъ мірянъ архіерей пользовался большимъ авторитетомъ и къ нему они обращались за совѣтомъ и рѣшеніемъ во всевозможныхъ случаяхъ. Архіерей сталъ вліятельнымъ лицомъ въ средѣ его паствы. Если Грекъ совершалъ куплю-продажу или заключалъ какой либо другой контрактъ, онъ нуждался въ содѣйствіи архіерея: архіерей составлялъ актъ и для вѣрности его ставилъ на немъ свою подпись. Если малолѣтній имѣлъ нужду въ опеку или если кончился срокъ опеки, слѣдовало дать отчетъ опекунамъ, или если встрѣтился затруднительный вопросъ у опекуновъ, обращались въ такихъ случаяхъ къ епископу. Нужно было составить духовное завѣщаніе,—опять шли къ епископскому нотаріусу. Міряне рѣшительно ни одного, сколько нибудь важнаго, дѣла не совершали безъ предварительнаго совѣта съ своимъ архіереемъ. А въ бѣдѣ къ кому можно было обратиться за помощію, какъ не къ своему архіерею? Епископъ имѣлъ доступъ въ мѣстныя правительственныя учрежденія, и потому его вліяніе часто было очень нужно мірянамъ. Если народъ былъ недоволенъ какимъ нибудь распоряженіемъ членовъ меджилиса или воеводою (въ Греціи), то міряне обращались съ изложеніемъ своихъ жалобъ опять къ епи-

1) Иречекъ. Исторія Болгарь, стр. 661. Переводъ. Одесса, 1878.

скопу, который при первомъ же случаѣ доводилъ объ этомъ дѣлѣ до свѣдѣнія ближайшаго областнаго начальника, а потомъ и самого пашы (генераль-губернатора). Однимъ словомъ, архіереи являлись совѣтниками и защитниками своихъ пасомыхъ ¹⁾. Все такое архіереи тѣмъ удобнѣе могли дѣлать, что бераты давали имъ широкія права по отношенію къ ихъ пасомымъ. Это, конечно, очень отрадно. Но не слѣдуетъ упускать изъ вниманія и темныхъ сторонъ въ отношеніяхъ архіерея къ пасомымъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, въ Турціи никакое дѣло не обходится безъ тѣневаго колера. Прежде всего, въ этомъ случаѣ нужно указать на очень усердное набиваніе архіереями своихъ кармановъ—при чемъ сильно страдали безпомощные рядовые христіане. По правиламъ, установившимся въ практикѣ въ турецкія времена, въ сборѣ денегъ на собственный прожитокъ архіерей не былъ ничѣмъ стѣсненъ: пашва обязана была платить архіерею, сколько желалось этому послѣднему. По выраженію авторитетнаго греческаго писателя, при сборѣ съ пасомыхъ денегъ въ свою пользу: „воля архіерея была единственнымъ закономъ“ ²⁾. Само собой понятно, что такой законъ легко переходилъ въ беззаконіе. Мало того: права, даваемая бератомъ, управлять душами вѣрующихъ, архіереи понимали въ смыслѣ дозволенности поступать съ подчиненными имъ христіанами, какъ угодно. Въ случаѣ неудовольствія на подчиненнаго ему христіанина, архіерей „отправлялъ въ монастырь, заключалъ въ тюрьму, объявлялъ его даже помѣшаннымъ въ умѣ“. И это только потому, что архіереи „имѣли граждацкое право наказывать христіанъ“ ³⁾. Нужно сказать, что, не смотря на турецкое

¹⁾ Maurer. Das Griech. Volk. I, 95—97. Hertzberg, В. III, 81. 85—86. Извѣстія Гертцберга представляютъ впрочемъ букввальное повтореніе извѣстій авторитетнаго Маурера.

²⁾ *Οἰκονόμος. Τριακονταετηρίς ἐκκλησιαστικῆ, ἢ συνταγματικῆν ἱστορικόν.* Σελ. 131. Аѳины, 1864.

³⁾ Сырку. Описаніе бумагъ епископа Порфирія Успенскаго (Петерб. 1891), гдѣ въ „дневникѣ“ преосв. Порфирія (стр. 18—22) можно находить всѣ подробности той исторіи, на которую мы сейчасъ указали. Изъ приведенныхъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто по отношенію къ Арабамъ, не слѣдуетъ выводить заключенія, что такое жестокое обращеніе греческихъ архіереевъ проявлялось у нихъ только среди иноплеменниковъ. Нѣтъ, эти архіереи „дѣлали то же самое и въ Эпирѣ, и въ Критѣ и другихъ греческихъ

иго или, лучше сказать, благодаря этому игу, греческимъ архіереямъ жилось привольно и вообще далеко не скучно. Недаромъ, давненько уже, у Грековъ, принадлежащихъ къ свободной Греціи, появилась изложенная въ видѣ драмы сатира подъ заглавіемъ: „Русскій, Французъ, Англичанинъ“. Въ этомъ произведеніи рассказывается, какъ три путешественника, принадлежащіе къ тремъ вышеупомянутымъ націямъ прибыли въ Грецію и стали заводить разговоры съ встрѣчными Греками. Когда три чужестранца начали выражать скорбь по случаю бѣдствій, претерпѣваемыхъ греческимъ народомъ, то митрополитъ довольно холодно сказалъ имъ: „съ тѣхъ поръ, какъ я ношу эту одежду, я ничего не знаю о тѣхъ бѣдствіяхъ, о какихъ вы говорите. Впрочемъ, если Греки страдаютъ и переносятъ свои страданія терпѣливо, то это послужитъ къ заглаженію ихъ же грѣховъ. Теперь народъ—прибавилъ архіерей—началъ толковать о свободѣ, но я доволенъ, если ко мнѣ обильно притекаетъ десятина“¹⁾.

Но обратимся къ картинамъ иного рода. Въ патріаршемъ бератѣ между прочимъ читалось: „Онъ имѣетъ право принимать мѣры строгости противъ мірянъ, на которыхъ приносятся жалобы по дѣламъ брачнымъ или по другимъ дѣламъ, относящимся до ихъ религіозной жизни. Онъ можетъ наказывать виноватыхъ въ нарушеніи правилъ вѣры, сообразно случаю и сообразно его особенной дисциплинѣ“; а въ обычномъ архіерейскомъ бератѣ значилось: „всѣ христіане (извѣстной епархіи) какъ высшаго, такъ и низшаго класса, во всѣхъ дѣлахъ, какія принадлежатъ къ его (епископа) компетенціи, должны обращаться къ нему за разрѣшеніемъ и приговорамъ его не противиться“. Отъ этого дозволенія патріарху и епископамъ вѣдать собственно религіозныя дѣла греческихъ христіанъ, указанные іерархи очень легко могли перейти и къ болѣе обширному кругу разбирательства судебныхъ дѣлъ между вѣрующими. Ибо подъ понятіе „религіозной жизни“, о которой идетъ рѣчь въ бератахъ, не трудно было подвести очень многое въ христіанскомъ об-

земляхъ“. „Это была всеобщая жестокость нравовъ“. Леонтьева. Востокъ, Россія и славянство. Т. I, 50. М. 1885.

¹⁾ Mendelssohn-Bartholdy. Geschichte Griechenlands. Th. I, 5. Hertzberg. Op. cit., III, 397.

ществѣ, если хотѣли того іерархи и ихъ пасомые и не ставило препятствій въ этомъ случаѣ турецкое правительство. Такъ на самомъ дѣлѣ и было. Явленіе это тѣмъ естественнѣе встрѣчать, что въ византійской имперіи архіереи никогда не лишались права прекращать тяжбы между вѣрующими путемъ третейскимъ: разумѣется, въ такихъ случаяхъ требовалось согласіе на подобный судъ—обѣихъ тяжущихся сторонъ. Судъ греческихъ архіереевъ во времена турецкія, чинимый по отношенію къ тяжущимся христіанамъ, всегда носилъ характеръ третейскаго, мирового суда, хотя на самомъ дѣлѣ онъ ничѣмъ не отличался по своимъ послѣдствіямъ отъ обыкновеннаго гражданско-уголовнаго суда. Все дѣло въ томъ, что христіане уважали судъ архіерея и дорожили имъ. Но спрашивается: почему христіане предпочитали судъ архіерейскій, третейскій, правильному правительственному суду? Не должно думать, что турецкая юстиція судила Грековъ по своимъ магометанскимъ законамъ; нѣтъ, турецкая юстиція имѣла обязанность судить Грековъ по законамъ этихъ послѣднихъ. Но не всегда турецкіе судьи исполняли эту обязанность, потому что немногіе изъ нихъ имѣли терпѣніе изучать законы греческаго общества. Возможно, что это обстоятельство побуждало греческихъ христіанъ судъ архіерейскій предпочитать регулярному правительственному суду. Были и другія причины, которыя заставляли православныхъ христіанъ избѣгать суда турецкаго. Въ турецкихъ судахъ, въ случаѣ разбирательства какого-либо гражданскаго дѣла, судьи взыскивали 10⁰/₀ съ суммы иска тяжущихся лицъ. Этого не было на судѣ архіерейскомъ. Притомъ же горькій опытъ показывалъ, что въ результатѣ турецкаго суда было то, что истецъ и отвѣтчикъ одинаково проигрывали дѣло и несли убытки и не-приятности. Къ тому же христіане не охотно вели денежныя дѣла въ судѣ турецкомъ, такъ какъ при этомъ истцу или отвѣтчику приходилось обнаруживать свое богатство,—а Греки не любили этого, да и побаивались алчности Турокъ. Сами архіереи давали разумѣть своимъ пасомымъ, что не хорошо ходить въ суды иновѣрныхъ, когда можно судиться въ судѣ христіанскомъ. Вотъ причины, почему судъ архіерейскій третейскій получилъ большое значеніе среди турецкихъ христіанъ.

Судъ патріарха константинопольскаго при участіи нѣкоторыхъ духовныхъ сановниковъ п значительныхъ изъ мірянъ происходилъ очень торжественно, въ особомъ назначенномъ для сего залѣ (диванѣ). Константинопольскій іерархъ судилъ лицъ, принадлежащихъ къ его епархіи, но не воспрещено было обращаться къ нему за правосудіемъ и христіанамъ изъ другихъ епархій. Онъ производилъ судъ съ тѣми же формами, какъ и самъ великій визирь. Судъ производился дважды въ недѣлю (середу и пятницу) или подъ предѣтельствомъ самого патріарха, или же—его протосинкелла. Въ распоряженіи патріарха были кавассы (родъ полиціи), которые зависѣли отъ него лично, и съ точностью исполняли его приказанія. Существовала и особая тюрьма, бывшая въ вѣдѣніи патріарха. Дѣла разбирались какъ гражданскія, такъ и уголовныя. Уголовный судъ иногда кончался тѣмъ, что преступникъ присуждался даже къ галерамъ, къ тюрьмѣ, къ ссылкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ ничего не стоило испросить разрѣшеніе Порты. По дѣламъ гражданскимъ къ суду патріаршему обращались не только тогда, когда истецъ и отвѣтчикъ были Греки, но и тогда, когда отвѣтчикомъ былъ Грекъ, а истцемъ Армянинъ и даже Еврей или Турокъ. Армяне (слѣдовательно лица неправославныя), Евреи и Турки предпочитали судъ патріаршій, потому, что онъ былъ очень простъ и очень быстръ: дѣла рѣшались въ тотъ же день, когда предстали на судъ истецъ и отвѣтчикъ.

Сводомъ законовъ, по которому чинилъ судъ патріархъ, было произведеніе Арменопула, жившаго въ XIV вѣкѣ, префекта ессалоникскаго: „Руководство къ познанію законовъ“. Содержаніе этого произведенія было гражданское и заключало въ себѣ извлеченія изъ законодательныхъ памятниковъ императоровъ Василя Македонянина, его сына Льва и внука Константина съ дополненіемъ изъ послѣдизданныхъ узаконеній. Это былъ кодексъ чисто византійской юриспруденціи. —Разъ произнесенъ потріархомъ приговоръ—дѣло считалось оконченнымъ. Въ случаѣ гражданскихъ тяжбъ никакихъ особыхъ способовъ къ приведенію приговора къ исполненію у патріарха не было: не подчинившагося его рѣшенію христіанина онъ могъ подвергнуть отлученію; но до этого дѣло никогда не доходило. Интересно, что въ слу-

чаѣ, если патріархъ (или другой епископъ) находилъ, что опредѣленныхъ данныхъ для произнесенія приговора очень мало, то іерархъ—судья въ ближайшій праздникъ во время богослуженія объявлялъ: не знаетъ ли кто изъ христіанъ чего либо по извѣстному тяжбному дѣлу, заклиналъ такого, подъ страхомъ отлученія, заявить суду о томъ, что ему извѣстно. Это было что—то въ родѣ повальнаго обыска. Говорятъ, что такое обращеніе къ народу никогда не оставалось безъ соотвѣтствующаго результата.

Таковъ былъ судъ патріаршій. Судъ епископскій ничѣмъ существенно не отличался отъ суда патріаршаго: онъ только былъ попроще—присутствовало меньше духовныхъ и мірскихъ лицъ—и лишонъ былъ торжественной обстановки. Притомъ онъ происходилъ не такъ часто, какъ патріаршій; да и компетенція суда епископскаго по дѣламъ уголовнымъ была ограниченнѣе и само собою понятно, что судъ патріарха, какъ высшаго духовнаго сановника, стоялъ въ глазахъ вѣрующихъ выше суда прочихъ архіереевъ. Но приговоръ и патріарха, и епископа сохранялъ одинаковую силу. Какихъ-нибудь апелляцій на судъ епископа къ патріарху не было въ обычаѣ. Хотя какъ на рѣшеніе епископа, такъ и на рѣшеніе патріарха, можно было апеллировать въ Синодъ константинопольскій, но это рѣдко дѣлалось, потому что наприм. патріархъ заботился о томъ, чтобы и Синодъ подкрѣпилъ его рѣшеніе и такимъ образомъ волокита не поощрялась.—Нельзя сказать, чтобы судъ епископскій былъ совершенно безгрѣшенъ: не только лицепріятіе, но подкупъ и здѣсь находилъ себѣ мѣсто. Въ Турціи ничего не совершалось по чистой совѣсти ¹⁾.

Иѣтъ сомнѣнія, что такой судъ, какъ патріаршій и епископскій по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ—могъ возникнуть только въ Турціи, подъ вліяніемъ турецкихъ нравовъ. Архіереи, являясь въ роли такихъ судей въ разсматриваемое время, отступали отъ каноническихъ опредѣленій.

¹⁾ Всѣ свѣдѣнія о судѣ патріаршемъ и епископскомъ нами заимствованы изъ слѣдующихъ сочиненій: Heimbach'a —Griechisch—römisches Recht im Mittelalter und in der Neuzeit (Ersch und Gruber-Encyklop., B. 87. S. 37—40), Leipz. 1869; Maurer, Op. cit. B. I, S. 93—95, 99—101, 104—107; Silbernagl, Op. cit. S. 14; Вазили—Архипелагъ и Греція въ 1830—31 годахъ, ч. I, 96—97, Петерб. 1834.

То, правда, не мало привлекательнаго въ этого рода судѣ,—но тюрьма, ссылка, галеры—все это можетъ сойти съ рукъ развѣ только въ Турціи.

Изъ сдѣланнаго нами очерка отношеній турецкаго правительства къ греческой церкви открывается, что это правительство прямо или не прямо содѣйствовало греческой іерархіи стать въ положеніе очень благопріятное для ея интересовъ. Іерархія сдѣлалась очень сильна и вліятельна въ средѣ своего народа; она сѣумѣла, при благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ, усвоить себѣ такія права, которыя дѣлали ея представителей полномощными гражданскими администраторами. Греческіе іерархи въ своей дѣятельности слишкомъ явно отступили отъ древнихъ каноническихъ основоположеній. Но этого не замѣтили ни сами іерархи, ни народъ. А само турецкое правительство, освобождая себя отъ большихъ хлопотъ съ иновѣрными для нихъ Греками и возложивъ управленіе христіанскимъ народомъ на патріарха и другихъ архіереевъ, мало заботилось о томъ, въ какія чуждыя для церкви сферы введено греческое высшее духовенство. Греческая іерархія и турецкое правительство мирно уживались одна подлѣ другаго, а этого съ нихъ было и достаточно.

Положеніе греческаго высшаго духовенства, созданное условіями турецкой исторіи и турецкаго режима, нерѣдко обращаетъ вниманіе изслѣдователей судебъ греческаго народа, наводитъ ихъ на различныя разсужденія объ особенностяхъ церковной жизни христіанъ въ Турціи и вызываетъ у нихъ стремленія опредѣленнымъ образомъ характеризовать это, бросающееся въ глаза, явленіе.

Для однихъ представляется, что то положеніе, какое приобрѣла греческая церковь, со временъ турецкаго владычества надъ византійской имперіей, напоминаетъ собою какое то „церковное государство“. „Это фактъ ни съ чѣмъ не сравнимаго значенія — говорятъ намъ, — что организмъ греческой церкви признанъ со стороны Порты, какъ родъ церковнаго государства, находящагося въ предѣлахъ великаго османомусульманскаго царства“¹⁾. Дѣйствительно греческая церковь и ея іерархія составляютъ изъ себя нѣко-

¹⁾ Hertzberg. В. II, S. 549.

тораго рода государство въ государствахъ: одна область вмѣщается въ другой области, не сливаясь и не смѣшиваясь. Въ этомъ случаѣ греческая церковь походитъ на папскую церковь, которая не отождествляетъ себя съ тѣми государствами и народами, среди которыхъ дѣйствуютъ ея представители. Самъ столичный патріархъ турецкаго періода съ его абсолютизмомъ, выражающимся въ господствѣ надъ прочимъ высшимъ духовенствомъ—представляетъ собою какъ бы сколокъ съ римскаго папы. Это сходство иногда прямо отмѣчается и русскими церковными писателями ¹⁾. Сходство дѣйствительно есть.

Иногда находятъ, что константинопольскій патріархъ турецкихъ временъ „сталъ для Грековъ въ нѣкоторомъ родѣ преемникомъ византійскихъ императоровъ“ ²⁾. Повидимому мысль парадоксальная, но она не лишена справедливости. Нельзя не обратить вниманія на то, что старинные греческіе историки (XVI в.) нисколько не затруднялись называть и султана (въ качествѣ императора), и патріарха совершенно одними и тѣми же титулами: *αὐθέντης* и *βασιλέας*; султанъ для нихъ *αὐθέντης* и *βασιλέας*—тоже и патріархъ ³⁾. Рядомъ съ выраженіемъ: Оттоманская Порта въ языкѣ Грековъ появилось названіе: порта Фанара—для патріархіи. Случалось, что сами патріархи говорятъ о себѣ такъ, какъ будто бы они облечены правами чуть ли не равными съ турецкимъ султаномъ. Въ недавнее время одинъ патріархъ говорилъ великому визирю: „почему фирманъ (царскій указъ) изданъ безъ моего вѣдома?“ ⁴⁾. По главнымъ образомъ сходство между патріархомъ новыхъ временъ и дѣйствительнымъ византійскимъ императоромъ заключается въ функціяхъ: что дѣлалъ и византійскій императоръ, какъ не то же, что дѣлалъ потомъ и патріархъ въ изучасное нами время: и этотъ послѣдній судилъ, разбиралъ дѣла, охранялъ прежніе законы, санкціонировалъ новые, слѣдилъ за исполненіемъ своихъ распоряженій повсюду среди подчиненныхъ, наказывалъ преслушниковъ, ссылая въ ссылку и заключалъ

1) Проф. О. А. Кургановъ: Прав. Собесѣди. 1873, I, 38.

2) Hertzberg. В. III, S. 81.

3) Historia Patriarchica, p. 94. Cf. p. 177. Edit. Bonn.

4) Проф. И. С. Бердниковъ: „Церковное право“: Прав. Соб. 1890, II, 153.

въ тюрьмы—вообще распоряжался по своей волѣ, имѣя обширное поле для дѣятельности? Церковь, руководимая константинопольскимъ патріархомъ, оставляетъ на заднемъ планѣ то, что должно бы характеризовать ее — духовныя мѣры и средства дѣйствованія, а вмѣсто нихъ она прибѣгаетъ къ такимъ, которыя составляютъ лишь принадлежность власти не духовной, мірской, или государственной. Преслушника ждетъ не прещеніе и обличеніе, а физическія репрессаліи. Подобно тому, какъ патріархъ, сосредоточивая въ своихъ рукахъ всѣ нити церковно-гражданскаго управления, былъ въ нѣкоторомъ родѣ преемникомъ византійскихъ императоровъ, всѣ прочіе епископы, обладая меньшими правами въ томъ же отношеніи, были, какъ выражаются о нихъ, „истинными властителями (Beherrscher) греческаго народа“ ¹⁾. Они являлись такимъ образомъ какъ бы мишистрами при патріархѣ—царѣ.

Было бы дѣломъ несправедливымъ отрицать историческое значеніе облеченныхъ свѣтскою властію іерарховъ Востока. Это значеніе велико. Одинъ славянофильствующій русскій ученый, знатокъ Востока, нѣсколько иронически относится къ мнѣнію восточныхъ епископовъ, считающихъ себя палладіумомъ православія: „Греческое духовенство — заявляетъ онъ — не на шутку думаетъ, что какъ только Болгары выйдутъ изъ подъ его власти, такъ и кинутся кто въ папство, кто въ протестанство“; не охранителями славянъ онъ считаетъ греческое духовенство, а просто „волками“ по отношенію къ нимъ ²⁾. Мы однакожъ думаемъ, что Греки, не смотря на явное тщеславіе, были ближе къ истинѣ, когда рассуждали такъ, какъ они рассуждаютъ, чѣмъ нашъ авторъ, скептически относящійся къ ихъ дѣятельности. Необычайная власть, которою обладали греческіе архіереи, благодаря турецкимъ побряккамъ и попустительству, давала имъ всѣ способы охранять вѣрныя ихъ попеченію православныя паствы отъ увлеченій иноземными лжеученіями. Отчасти имѣя въ виду это-то косвенное содѣйствіе турецкаго режима прочности православныхъ устоевъ народной жизни, извѣстный Леонтьевъ, будучи самъ грекофиломъ,

¹⁾ Maurer. Op. cit. B. I, 96.

²⁾ Антонина арх. Изъ Румелин, стр. 75. Петерб. 1886.

однакожь заявляетъ: „увы! Живя въ Турціи, я понялъ истинно ужасающую вещь: я понялъ съ ужасомъ и горемъ, что благодаря Туркамъ и держится еще многое истинно-православное на Востокѣ“ ¹⁾. Нельзя не признать и того, что греческіе іерархи, сдѣлавшись тѣмъ, чѣмъ они есть въ турецкихъ владѣніяхъ, помогли поддержанію національных интересовъ Грековъ. Относительно этого справедливо говорятъ: „если греческая нація сохраняла самостоятельность своей жизни, и соединила членовъ ся тѣснѣе, чѣмъ какъ это было во времена византійскихъ императоровъ, то этимъ она обязана главнымъ образомъ церкви, которая спасла для Грековъ національное будущее“ ²⁾.

Благодаря прямому содѣйствію турецкой власти, какъ это ясно видно изъ текста патріаршаго берата, константинопольская патріархія широко раздвинула предѣлы принадлежащей ей церковной компетенціи. Говоримъ о, приобрѣтшемъ въ то время силу закона, подчиненіи указанной патріархія, какъ православныхъ патріарховъ прочихъ восточныхъ кафедръ, такъ и митрополитовъ съ епископами славянскихъ народовъ, за исключеніемъ Черногоріи.—Патріархи александрійскій, антioxійскій и іерусалимскій въ силу бератовъ, получаемыхъ отъ Порты, владѣли всѣми правами, присвоенными въ турецкое время рядовымъ епископамъ, и, кромѣ того, нѣкоторыми особенными прерогативами, принадлежащими лишь патріарху столицы; но они все же—тѣми же бератами—поставлены были въ нѣкоторую зависимость отъ патріарха константинопольскаго. Такъ, всѣ ихъ сношенія съ Портою происходили при посредствѣ этого послѣдняго, свои бераты они получили при томъ же посредствѣ; въ Константинополь они могли пріѣзжать и здѣсь жить только съ позволенія ихъ столичнаго собрата. Последнее обстоятельство прямо отмѣчалось въ бератѣ патріарха константинопольскаго: въ этомъ случаѣ они подчинены тѣмъ же правиламъ, которыя имѣли силу по отношенію ко всѣмъ епископамъ патріархата константинопольскаго ³⁾. Значеніе такого ограниченія власти не столичныхъ патріарховъ откры-

¹⁾ Леонтьевъ. Востокъ, Россія и Славянство. Т. I, 226. М. 1885.

²⁾ Hertzberg. В. III, S. 77. Въ томъ же роадѣ говоритъ и Zinkeisen, II, 13.

³⁾ Silbernagl. Op. cit. S. 14. 21—22. См. также патріаршій берать.

вается изъ того, что двое изъ этихъ послѣднихъ — патриархи іерусалимскій и александрійскій — почти постоянно жили въ Константинополѣ и значить они каждую минуту находились въ опасности, въ случаѣ чего, быть удаленными изъ столицы. Зависимость, нѣтъ сомнѣнія, крайне унижительная.

При содѣйствіи Турецкой же власти константинопольская патриархія получила право управлять и главными церквами болгарскими и сербскими, которыя раньше совсѣмъ не были ей подчинены. Такъ во второй половинѣ XVIII вѣка присоединена была къ ней архіепископія ахридская или охридская, обладавшая правами автокефальности. Эта архіепископія составляла раньше независимый церковный округъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ епископій. Давно уже константинопольская патриархія домогалась, чтобы эта независимая отъ нея архіепископія была подчинена патриарху столицы; но успѣха долго не было. Отъ патриаршаго захвата архіепископію ахридскую охраняли мѣстные паши, которые сами наживались при избраніи какъ сказаннаго архіепископа, такъ и подвѣдомыхъ ему епископовъ. „Патриархи константинопольскіе могли выиграть дѣло противъ этихъ своихъ противниковъ только тогда, когда уже сами приобрѣли себѣ сильныхъ ходатаевъ предъ высшимъ турецкимъ правительствомъ“. Это случилось — какъ мы сказали — во второй половинѣ XVIII вѣка. Первымъ дѣломъ патриархія константинопольской въ этомъ случаѣ было то, что она закрыла архіепископскую кафедру въ Ахридѣ. ¹⁾ Почти одновременно съ ахридской архіепископіей былъ присоединенъ къ патриархату константинопольскому и небольшой сербскій патриархатъ съ главной его кафедрою въ Пекѣ или Ипекѣ. Сербскій патриархатъ или ипекскій (какъ онъ называется въ бератахъ) тотчасъ, по присоединеніи къ константинопольской патриархіи, претерпѣваетъ катастрофу: всѣ архіереи — Сербы изгнаны отсюда, а ихъ мѣста заняты архіереями греческими. Съ горя сербскіе архіереи хотѣли было присоединить свою церковную область къ церкви русской ²⁾.

¹⁾ Проф. Е. Е. Голубинскаго. Очеркъ исторіи церкви болгарской, сербской и др., стр. 141—2; 144; 149. М. 1871.

²⁾ Е. Е. Голубинскаго. *Op. cit.* 487—488.

Но нужно полагать, что Турки не дозволили этого; ибо пекскій патріархатъ уничтоженъ, какъ самостоятельное цѣлое—по волѣ Турокъ. Дѣло было такъ: одинъ патріархъ этой церкви скомпрометировалъ себя въ глазахъ Порты своими освободительными идеями—и пекскій патріархатъ, съ согласія Порты, былъ подчиненъ—очевидно въ наказаніе—константинопольской патріархіи, очевидно заслужившей лестное вниманіе оттоманскаго правительства ¹⁾. Эти новыя и важныя приобрѣтенія константинопольской патріархіи вмѣстѣ съ вліяніемъ на всѣ древніе патріархаты имѣли сильное нравственное вліяніе на предстоятеля церкви константинопольской. „Церковь константинопольская именно подъ владычествомъ Турокъ добилась такихъ результатовъ, какіе въ самыя счастливыя времена византійскаго царства казались совершенно недостижимыми. Притязанія Константинополя на духовное верховенство среди восточной церкви теперь наконецъ сдѣлались неоспоримы“ ²⁾.

Приобрѣтеніе константинопольской патріархіей вліянія на прочіе патріархаты (въ особенности іерусалимскій) и порабощеніе ея болгарской и сербской церковью повели къ тому, что эта патріархія задалась планами огречить помѣстное христіанское народонаселеніе. Эти планы она раздѣляла со многими знаменитыми Греками константинопольскими. Сама патріархія и вообще вся греческая іерархія была до мозга костей пропитана своимъ филэллинствомъ, т. е. узкою привязанностію только ко всѣму эллинскому. Исторія филэллинства и его распространенія очень любопытна, но кажется еще никѣмъ не написана; и не намъ братья за это дѣло. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты явленія, такъ какъ это должно служить естественнымъ восполненіемъ нашихъ разсужденій объ отношеніи Порты къ константинопольской іерархіи. Греческая іерархія высоко ставила одно то уже, что она никакая другая, а именно эллинская. Эллиństwo ей представлялось синонимомъ „благородства“, „свободы“. Греція ей представлялась „свѣтлою и благородною страной“, очагомъ „возвышенныхъ идей, вполне до-

¹⁾ Hertzberg, В. III, 205. У проф. Е. Е. Голубинскаго (ibid.) указана, впрочемъ, другая причина присоединенія этого патріархата къ константинопольскому—но, кажется, причина случайная.

²⁾ Hertzberg. III, 78.

ступныхъ только Грекамъ“¹⁾. Филэллины признавали культурнымъ языкомъ только греческій, просвѣщеніе понимали только въ формѣ греческой школы и греческой же книги. Греческіе іерархи такъ любятъ цитировать „Платона, Аристотеля, Василия (В.), Златоуста“ — даже тогда, когда эти цитаты совсѣмъ не къ дѣлу (наприм. въ словестной полемикѣ съ западными иновѣрцами²⁾).

Подъ вліяніемъ константинопольскаго филэллинства греческій іерархическій элементъ началъ проникать и туда, гдѣ для него не могло быть много мѣста. Іерусалимскій патріархатъ, населенный преимущественно Арабами, наполнялся и пополнялся греческими архіереями. Подобное же было въ Болгаріи и Сербіи. Въ іерусалимскомъ патріархатѣ объ архіереѣ—арабѣ церковная власть и думать не хотѣла и не хочетъ³⁾. Въ Болгаріи до недавняго времени Болгаръ дѣлали архіереями только въ исключительныхъ случаяхъ, когда для греческаго архіерея данной мѣстности нуженъ былъ дешевый викарій, который бы управлялъ за него въ то время, когда онъ проживаетъ въ Константинополѣ. Что касается школъ, то въ іерусалимскомъ патріархатѣ такихъ совсѣмъ не было, ибо Греки—архіерси находили, что учить Арабовъ не стоитъ⁴⁾. Иначе вопросъ о школахъ рѣшался въ Болгаріи. По стараніямъ греческихъ архіереевъ въ болгарскихъ церквахъ славянская литургія была замѣнена греческою. Съ этою цѣлію огречивали большинство священническихъ школъ. Обученіе шло по старому методу, но за то вмѣсто языка болгарскаго вдаблывали гораздо труднѣйшій—древнегреческій. И болгарскіе священники научились произносить греческія молитвы какъ попугаи, безо всякаго пониманія. Эллинизация гнѣздилась въ городахъ, гдѣ имѣли свою резиденцію епископы. Но потомъ пошла и далѣе. На средства болгарскихъ купцовъ, которые не могли и помышлять о какой-нибудь другой школѣ, кромѣ греческой²⁾, возникли скоро греческія учебныя заведенія въ чисто болгарскихъ городахъ, гдѣ вовсе нельзя было найти

1) Леонтьева. Изъ жизни христіанъ въ Турціи. Т. I, 180. 184.

2) Антошина арх. Оп. cit. стр. 75.

3) Сырку. Описаніе бумагъ свиск. Порфирія, стр. 26.

4) Сырку. Оп. cit., стр. 68.

греческихъ семействъ. Хотя ученики были изъ семействъ купцовъ и ремесленниковъ, тѣмъ не менѣе главное вниманіе обращено было на изученіе классиковъ. Читали отрывки изъ Лукіана и Эзопа, а иногда изъ Гомера, Плутарха. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія эллинизация въ Болгаріи достигла своего апогея. Кто не умѣлъ говорить по гречески или по крайней мѣрѣ приправлять свою рѣчь греческими фразами, тотъ не принадлежалъ къ числу образованныхъ; казалось даже, что хотѣли отождествлять понятіе человѣка и Грека. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже по деревнямъ служилась литургія на греческомъ языкѣ ¹⁾ Нашъ извѣстный знатокъ Востока арх. Антонинъ (Капустинъ), разъ путешествуя по болгарской части Румелии, зашелъ въ школу, гдѣ дѣти сидѣли за греческими книгами, и спросилъ ихъ: „а по болгарски умѣете читать?“ „Еще нѣтъ“ — полученъ былъ отвѣтъ. И это было въ какой то маленькой частной школкѣ ²⁾ Въ Молдаво-Валахіи (теперь Румыніа) Молдаво-Валахи тоже огречились было частію подъ вліяніемъ греческихъ господарей, поставляемыхъ изъ Константинополя, но частію подъ вліяніемъ и константинопольской патріархіи, которая тоже оказывала и здѣсь свое хотя, можетъ быть, и не большое эллинизирующее дѣйствіе ³⁾. Греческій историкъ Папарригалуло съ восхищеніемъ рассказываетъ, что въ XVII и XVIII вѣкахъ вся Румыніа обратилась въ „цвѣтущую греческую колонію“ ⁴⁾.

Въ связи съ эллинизироваціемъ славянскихъ и не славянскихъ народовъ, подчиненныхъ власти патріархіи, развивалась въ средѣ греческаго духовенства неистребимая ненависть къ проявленію негреческой культуры, наприм. къ славянской письменности. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ этомъ родѣ. Въ сороковыхъ годахъ текущаго вѣка, по разсказу одного болгарскаго игумена, пріѣхалъ въ одинъ бол-

¹⁾ Иречекъ. Исторія Болгарь, стр. 655—658. Странно: по мѣстамъ здѣсь замѣтно буквальное повтореніе извѣстій нашего русскаго ученаго Григоровича („Очеркъ путешествія“ и пр., стр. 198—199), но объ этомъ авторъ молчитъ.

²⁾ Изъ Румелии, стр. 113.

³⁾ О вліяніи патріархіи на румынскую іерархію см. у. Е. Е. Голубинскаго: *Op cit.* 366 и у Mauger'a: *op. cit.* B. I, 384.

⁴⁾ Сообщенія Палест. Общества, т. IV, стр. 697.

гарскій монастырь греческій архіерей на освященіе церкви, „увидалъ здѣсь множество книгъ, писанныхъ славянскими буквами, приказалъ всѣ эти книги собрать, бросить въ яму и зажечь. Такъ всѣ книги и сгорѣли, а потомъ владыка велѣлъ засыпать пепель землю“¹⁾. Даже на безмятежномъ и благочестивомъ Аоонѣ сожженіе славянскихъ книгъ практиковалось. „Неуваженіе къ славянскимъ книгамъ дало поводъ — говорить одимъ путешественникъ по Востоку — къ ихъ истребленію. Книга славянская или заключаетъ въ себѣ то, что и греческая, или же написана Болгариномъ, а можетъ быть и Сербомъ, слѣдовательно — такъ умозаключали — ничего не стоитъ“. Однажды на Аоонѣ въ Ватопедѣ присудили славянскія рукописи къ сожженію. „Количество рукописей въ этомъ случаѣ было велико, потому что, какъ увѣряли, въ истопленной ими печи испекли монастырскіе хлѣбы“²⁾. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, дѣйствовало, какъ думаемъ, филэллинство безсознательное. Вотъ куда вело и приводило филэллинство, развившееся среди Грековъ.

Можно ли было бы подумать, что между фирманомъ Магомета II, даннымъ въ пользу Грековъ въ 1454 году (а не въ 1453 году, какъ обыкновенно полагаютъ) и сожженіемъ славянскихъ книгъ чуть не въ наше время, въ славянскихъ и не славянскихъ земляхъ, существуетъ генетическая связь!

Жестокій и сокрушительный ударъ разсматриваемому филэллинству, нанесенъ какъ извѣстно, главнымъ образомъ отдѣленіемъ болгарской церкви отъ константинопольскаго патриархата, что случилось такъ недавно. Радоваться ли такому событію? Какъ многіе привѣтствовали это событіе, какъ зарю счастливой будущности болгарскаго народа — и какъ они ошиблись! Но съ самаго же начала болгарскаго раскола появились скептики, которые только покачивали головами, при видѣ даннаго явленія; число ихъ сперва было очень незначительно, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше ра-

1) Карловой (нижецитируемая статья написана извѣстнымъ славянофиломъ Гильфердиномъ, но съ какой стати здѣсь примѣшалось имя какой то Карловой — дать объясненія не умѣемъ). „Турецкая провинція“: Вѣст. Европы, 1870, июль, стр. 178.

2) Проф. В. Григоровича. Очеркъ путешествія по Европейской Турціи, стр. 97. Казань, 1848.

стеть ¹⁾). Не нужно ли и намъ примкнуть къ нимъ? Но не преждевременно ли? Во всякомъ случаѣ, мы лично поостережемся.

А. Лебедевъ.

(До слѣдующей книжки).

¹⁾ Къ первоначальнымъ скептикамъ относится Т. И. Филипповъ, авторъ извѣстной книги: „Современные церковные вопросы“; къ нему въ недавнее время болѣе или менѣе примкнули проф. И. Е. Троицкій (разумѣемъ его рѣчь по этому вопросу, произнесенную на актѣ петерб. университета и явившуюся въ печати подъ заглавіемъ: „Церковная сторона болгарскаго вопроса, 1888, Петерб.), и г. Тепловъ (см. его книгу: „Грекоболгарскій церковный вопросъ“. 1884). Очень знаменательно молчаніе, царящее въ настоящее время въ рядахъ болгарофиловъ: о чемъ это они раздумываютъ?